

На правах рукописи

Баранцева Наталья Анатольевна

**НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ ЮГА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ:
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ
(конец XIX – конец 80-х гг. XX в.)**

07.00.02. – Отечественная история

**Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

Кемерово – 2013

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова»

Научный консультант: доктор исторических наук, доцент **Октябрьская Ирина Вячеславовна**

Официальные оппоненты:

Нам Ираида Владимировна, доктор исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», профессор кафедры современной отечественной истории

Славина Людмила Николаевна, доктор исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева», профессор кафедры отечественной истории

Шалак Александр Васильевич, доктор исторических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Байкальский государственный университет экономики и права», заведующий кафедрой истории экономических и политических учений

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Алтайский государственный университет»

Защита состоится «_____» _____ 2013 г. в _____ час. на заседании диссертационного совета Д.212.088.08, созданного на базе Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет» (650043, Кемерово, ул. Красная, 6)

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Кемеровского государственного университета

Автореферат разослан «_____» _____ 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Ермоленко Любовь Николаевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Человеческий потенциал, в условиях перехода России от экспортно-сырьевой к инновационной социально ориентированной модели развития, является главной составляющей национального богатства. Его развитию посвящены Концепция демографической политики РФ до 2025 г. (2007 г.), Стратегия национальной государственной политики РФ на период до 2025 г. (2012 г.), отметившая формирование «полиэтнической российской нации».

Вместе с тем на рубеже XX – XXI в. Россия оказалась втянута в системный кризис, затронувший все сферы жизнедеятельности человека, в том числе демографическую. Депопуляция в стране выразилась в сокращении с начала 1990-х гг. абсолютной численности населения, формировании его суженного воспроизводства и ухудшении качественных характеристик. Для осуществления эффективной, научно обоснованной социально-демографической политики необходимо уточнить теоретико-методологические подходы к изучению народонаселения.

Прогнозирование развития, оценки современного человеческого потенциала России в таких его составляющих как демографический, этнический, образовательный, миграционный, невозможно без обращения к историко-культурному опыту развития страны. Вследствие этого ретроспективное исследование и разработка региональной модели социально-демографического развития юга Красноярского края является актуальной в научном и социально-политическом отношении задачей.

Степень разработанности проблемы. Проблема народонаселения юга Красноярского края в конце XIX – конце 80-х гг. XX в. недостаточно разработана в историографии. Вместе с тем существует обширный круг научных трудов по истории, демографии, экономике, этнографии, краеведению, раскрывающих ряд аспектов социально-демографического развития региона.

В изучении народонаселенческой тематики России и сибирских регионов условно можно выделить три этапа: досоветский, советский и постсоветский. В XIX – начале XX в. в исследовании населения Сибири выделился комплекс проблем, связанный с переселенческой политикой Российского государства в сибирские регионы. Были изданы работы, в которых нашли отражение причины миграций в Енисейскую губернию, состав населения, его территориальное размещение¹. Эти вопросы в условиях дальнейшего аграрного освоения Сибири, создания новой промышленно-сырьевой базы в 1920 – 1930-е гг. были проанализированы К. Козловским, В.А. Смирновым, Г.Ф. Чиркиным, А. Чураевым, А.Р. Шнейдером². Авторы систематизировали сведения о местах выхода и вселения мигрантов; организации государственной помощи переселенцам, охарактеризовали социально-демографические особенности населения Приенисейского края, отметив традиционный тип воспроизводства и его трансформацию под влиянием преобразований в стране.

Разработка проблем демографической истории XX в. началась в первой трети XX в., однако сокращение численности населения страны в результате военных и социально-политических потрясений не позволило демографам доказать преимущества «социалистического воспроизводства населения», «верно» спрогнозировать его рост в 1920 – 1930-е гг. Это привело к репрессиям в отношении ученых, свертыванию исследований. В изучении естественного движения населения региона мы опирались на выводы С.А. Новосельского, М.В. Птухи, Е.З. Волкова об особенностях общероссийских тенденций и влиянии на воспроизводство населения различных факторов³.

¹Азиатская Россия. Т. 1. СПб., 1914; Григорьев В.Ю. Перемены в условиях экономической жизни населения Сибири (Енисейский край). Красноярск, 1904; Дашкевич В. Переселение в Сибирь. СПб., 1912; Кауфман А.А. Земледелие и колонизация. СПб., 1905; Переселение и землеустройство за Уралом. Пг., 1914.

²Козловский К. К вопросу о самовольном переселенческом движении // Вопросы переселения и колонизации Сибири. Новосибирск, 1928. С. 11–19; Смирнов В.А. Исторический очерк Приенисейского края. Ч. 2. Красноярск, 1928; Чиркин Г.Ф. Очерк колонизации Сибири второй половины XIX и начала XX в. // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Вып. 2. Пг., 1922. С. 83–99; Чураев А. Население Восточной Сибири. М.; Иркутск, 1933; Шнейдер А.Р. Население Приенисейского края. Красноярск, 1928.

³Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике. Т. I. Вып. 1. Пг., 1916; Птуха М. Смертность 11 народностей Европейской России в конце XIX в. Киев, 1927; Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930.

В 1950 – 1970-е гг. в условиях роста миграционной мобильности населения в связи с перемещением промышленной базы на восток страны, освоением целины усилился интерес к проблемам переселений в Сибирь конца XIX – начала XX в. Л.Ф. Скляр, В.Г. Тюкавкин В.В. Покшишевский, В.А. Степынин и др. выявили совокупное действие причин и факторов колонизационного процесса⁴.

В послесталинский период началась публикация различных статистических материалов, повысился теоретико-методологический уровень демографических исследований. А.Г. Рашин охарактеризовал изменение режима воспроизводства населения России за столетие до Первой мировой войны. Положения и выводы работы представляют интерес с точки зрения сопоставления данных по югу края и России⁵.

В 1960 – 1980-е гг., наряду с теоретическими работами, посвященными разработке методических приемов изучения миграции, появился ряд комплексных исследований населения Сибири. Освещение советской государственной переселенческой политики, закрепление населения в Сибири в качестве трудовых ресурсов урбанизовавшегося региона нашло отражение в работах Н.И. Платунова, Л.Л. Рыбаковского, Ж.А. Зайончковской, В.И. Переведенцева, Е.Д. Малинина, А.К. Ушакова, В.В. Воробьева, Н.Ф. Кожуховской, представителей сибирской экономической научной школы Т.И. Заславской⁶. Раскрывались особенности социально-демографического развития региона под влиянием перехода от аграрного общества к индустриально-урбанистическому.

В 1970-е гг. в советской науке разрабатывались концептуальные основы демографии и уточнялись основные методологические подходы. Анализ народонаселения в контексте концепции «демографического перехода» для обозна-

⁴Скляр Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы сталинской аграрной реформы. Л., 1962; Тюкавкин В.Г. Организация переселения крестьян в Восточную Сибирь в 1906–1910 гг. // Ученые записки Иркутского пединститута. Вып. XVI. Иркутск, 1958; Покшишевский В.В. Заселение Сибири (историко-географические очерки). Иркутск, 1961; Степынин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху колониализма. Красноярск, 1962.

⁵Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистический очерк. М., 1956.

⁶Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. М., 1975; Рыбаковский Л.Л. Региональный анализ миграций. М., 1973; Платунов Н.И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.) Томск, 1976; Зайончковская Ж.А., Переведенцев В.И. Современная миграция населения Красноярского края. Новосибирск, 1964; Воробьев В.В. Население Восточной Сибири. Современная динамика и вопросы прогнозирования. Новосибирск, 1977; Малинин Е.Д., Ушаков А.К. Население Сибири. М., 1976; Урбанизация советской Сибири. Новосибирск, 1987 и т.д.

чения исторической последовательности смены типов воспроизводства населения, включая формирование «современного» типа (переход от высоких уровней рождаемости и смертности к низким) стал применяться А.Г. Вишневым, А.Я. Квашой, А.Я. Боярским и др.⁷. В ее разработку внесли вклад представители различных научных школ мира: Л. Рабинович, У. Томпсон, А. Ландри, Ф. Ноутстайн и др. Это направление с учетом мировых демографических тенденций дало оценку количественных и качественных изменений в народонаселении России в течение конца XIX–XX в.

Демографическим процессам в рамках теории репродуктивного поведения, возникшей в 1970-е гг., были посвящены работы В.А. Борисова, Л.Е. Дарского и др.⁸ В центре внимания находилось происхождение многодетности и ее сохранение на протяжении человеческой истории вплоть до XX в. Утверждалась историческая неизбежность отмирания многодетной семьи в связи с радикальным сужением ее функций и, как следствие, установление современной низкой рождаемости⁹.

В конце 1960-х – 1980-е гг. появился комплекс работ, раскрывавший проблемы жизненного цикла семьи, изменения состава семей и детности под воздействием демографических и иных факторов. Труды Б.Ц. Урланиса, А.И. Антонова, В.З. Дробижева, А.Г. Волкова, М.С. Тольца, Р.И. Сифман, И.Н. Кона и др. содержали важные теоретические установки в изучении матримониального и репродуктивного поведения населения в условиях демографической эволюции общества¹⁰.

Различным аспектам изучения семьи как основной ячейки воспроизводства населения, изменениям ее структуры, особенностям ее демографического раз-

⁷Вишневы А.Г. Демографическая революция. М., 1976; 1982; Кваша А.Я. Демографическая политика в СССР. М., 1981; Боярский А.Я. Население и методы его изучения. М., 1975.

⁸Дарский Л.Е. Формирование семьи. М., 1972; Борисов В.А. Перспективы рождаемости. М., 1976; Воспроизводство населения СССР. М., 1983; Проблемы воспроизводства и миграции населения. М., 1981 и др.

⁹Антонов А.И. Эволюция норм детности и типов демографического поведения // Детность семьи: вчера, сегодня, завтра. М., 1986. С. 13.

¹⁰Урланис Б.Ц. История одного поколения. М., 1968; Брачность, рождаемость за три века. М., 1979; Волков А.Г. Семья – объект демографии. М., 1986; Демографические проблемы семьи. М., 1978; С. 10–25; Семья и дети. М., 1982; Сифман Р.И. Динамика рождаемости в СССР. М., 1974; Тольц М.С. Некоторые обобщающие характеристики брачности, прекращения и длительности брака // Демографическое развитие семьи. М., 1979. С. 39–58.

вития были посвящены работы В.А. Беловой, И.А. Герасимовой, Л.В. Чуйко¹¹. Исследованиями семьи в контексте социологии и экономики занимались А.Г. Харчев, С.И. Голод, М.С. Мацковский, В.В. Бойко, Н.М. Римашевская и др.¹².

Исследование этнодемографических процессов через призму межнациональных браков, этнической специфики воспроизводства населения осуществляли В.И. Козлов, А.А. Сусоколов и др.¹³. На фоне общих работ особый интерес представляют статьи В.П. Кривоногова, характеризующего межэтническую брачность хакасов¹⁴. В 1970–1980-е гг. по мере утверждения в общественных науках концепции формирования единого советского народа был защищен ряд диссертаций по проблемам межнациональных браков в российских регионах, выводы которых были учтены автором при разработке регионального аспекта межэтнической брачности.

Серьезные демографические проблемы российского общества, отчетливо обнаружившиеся на рубеже 1980–1990-х гг., стали объясняться через призму двух противоположных научных концепций. Школа А.Г. Вишневого продолжала исследовать развитие России в русле концепции «демографического перехода». Перемены в сфере прокреативного, матримониального, семейного поведения анализировались как проявления общей и демографической модернизации России, начавшейся в конце XIX – начале XX в. Подчеркивались противоречия советской демографической модернизации, носившей «полутрадиционалистский», «полумодернистский» характер¹⁵. В трудах Т.Л. Харьковской, С.В. Захарова, Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского, В.Б. Жиромской и др. раскрыва-

¹¹Белова В.А. Число детей в семье. М., 1975; Герасимова И.А. Структура семьи. М., 1976 и др.

¹²Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М., 1979; Голод С.И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л., 1984; Васильева Э.К. Семья и ее функции. М., 1975; Бойко В.В. Малодетная семья: Социально-психологическое исследование. М., 1980; Демографические проблемы семьи. М., 1978 и т.д.

¹³Козлов В.И. Национальности СССР. Этнодемографический обзор. М., 1975; Сусоколов А.А. Межнациональные браки в СССР. М., 1987 и др.

¹⁴Кривоногов В.П. Национально-смешанные семьи сельского населения Аскизского района ХАО // Современные этнические процессы у народов Западной Сибири. Томск, 1981. С. 120–129.

¹⁵Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 12, 112, 126–127; Демографическая модернизация России, 1900–2000. М., 2006.

лась история населения России конца XIX – XX в.¹⁶. Особое внимание было обращено на выявление причин и факторов, обуславливавших как естественно-эволюционное, так и прерывное течение демографических процессов.

С.И. Голод, М.С. Мацковский, А.Г. Вишневский и др. интерпретировали новые явления в брачной, сексуальной и репродуктивной сферах не как отклонение от нормы, а «признак существенных и необратимых эволюционных сдвигов»¹⁷.

А.И. Антонов, В.А. Борисов, В.М. Медков, Л.Л. Рыбаковский и др. выступали с критикой концепции «демографического перехода». Придерживаясь «кризисной парадигмы» в оценке демографических перемен в России, они утверждали, что депопуляцию населения нельзя считать необратимой, существует возможность управления социально-демографическими процессами посредством актуализации «человеческого потенциала» как важного ресурса развития общества¹⁸.

Данные дискуссии явились методологическим ориентиром для осмысления проблем воспроизводства и брачно-семейных отношений в России. Исследование сущности, динамики, факторов народонаселения Западной Сибири на различных этапах в пространственном, естественном и социальном измерениях осуществляли сибирские ученые Л.М. Горюшкин, Н.Я. Гуцин, С.В. Соболева, В.А. Исупов, В.А. Зверев, К.А. Заболотская, М.К. Чуркин, А.Н. Сагайдачный, В.А. Скубневский¹⁹. Демографическую и социальную тематику применительно к восточносибирскому региону разрабатывали Л.Н. Славина, А.В. Шалак, Л.В.

¹⁶Население России в XX веке: Исторические очерки: в 3 т. М., 2005; Андреев Е.М и др.; Население Советского Союза 1922–1991 гг. М., 1993; Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001.

¹⁷Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998. С. 51.

¹⁸ Антонов А. Демография в эпоху депопуляции // Демографические исследования. 2010. № 1; Борисов В.А. Демографическая дезорганизация России: 1897–2007. М., 2007; Демографическое будущее России. М., 2001.

¹⁹Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997; Соболева С.В., Штейнберг В.Е. Демографическая ситуация и воспроизводство населения Сибири // Проблемы демографического развития Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1991. С. 3–26; Гуцин Н.Я. Население Сибири в XX в.: основные тенденции и катаклизмы в развитии. Новосибирск, 1995; Исупов В.А. Городское население Сибири. От катастрофы к возрождению (конец 30 – конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991; Зверев В.А. Старт модернизации: демографические процессы в городах и селениях Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Сибирь в XVII – XX вв.: демографические процессы и общественно-политическая жизнь. Новосибирск, 2006. С. 57–72; Чуркин М.К. Переселение крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв. Омск, 2006; Сагайдачный А.Н. Демографические процессы в деревне Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века. Новосибирск, 2000; Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул, 2003.

Занданова, Н.Я. Артамонова и др. Исследованию семьи и брака в Западной Сибири посвящены работы Ю.М. Гончарова, А.Р. Михеевой и пр.²⁰.

Осмысление социокультурных и хозяйственно-бытовых особенностей развития населения осуществлялась с опорой на историко-этнографические работы²¹. Характеристика этнических сообществ юга Красноярского края с разной степенью полноты и временного охвата содержится в статьях тематических сборников, изданных в 2000-е гг.²².

Исследования социально-экономической, культурной, демографической сфер развития Хакасии, основанные на солидной источниковой базе, осуществляли В.А. Кышпанакоев; В.Я. Бутанаев, В.П. Кривоногов, В.Н. Асочакова, В.Н. Тугужекова, Е.П. Мамышева²³. Процессы этнополитической консолидации тюркоязычного населения Сибири, интеграции нерусских народов в состав Российской империи нашли отражение в работах Л.И. Шерстовой, Л.М. Дамешева, А.В. Ремнева и др.²⁴.

Отдельные аспекты социально-демографического развития Красноярского края в достаточно ограниченных хронологических рамках разрабатывались исследователями в кандидатских диссертациях, статьях, выступлениях на конференциях.

Вопросами образования населения Сибири в целом, а также отдельных народов края, сохранением языковой самобытности и практики использования

²⁰Славина Л.Н. Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.). Красноярск, 2007; Занданова Л.В. Переселение крестьянства в Азиатскую Россию (конец 40-х – середина 60-х гг. XX в.). Иркутск, 1997; Шалак А.В. Социальные проблемы населения Восточной Сибири (1940–1950 гг.). Иркутск, 2000; Артамонова Н.Я. Интеллигенция Восточной Сибири: опыт формирования и деятельности (конец XIX – середина XX вв.). М., 2000; Гончаров Ю.М. Городская семья второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2002; Михеева А.Р. Сельская семья в Сибири: жизненный цикл и благосостояние. Новосибирск, 1993.

²¹Коровушкин Д.Г. и др. Неславянские этнодисперсные группы в Западной Сибири (формирование и этнокультурная адаптация). Новосибирск, 2003; Колоткин М.Н. Балтийская диаспора Сибири: опыт исторического анализа 20–30-х гг. Новосибирск, 1994; 2005; Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. Омск, 2007 и др.

²²Сохранение и взаимопроникновение национальных культур как фактор устойчивого развития Приенисейского края. Красноярск, 2004; Немцы в Сибири: история, язык, культура. Красноярск, 2004; Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002; Очерки истории белорусов в Сибири в XIX – XX вв. Новосибирск, 2002 и др.

²³Кышпанакоев В.А. Население Хакасии: 1917 – 1990-е гг. Абакан, 1995; Бутанаев В.Я. Социально-экономическая история хакасского аала (конец XIX – начало XX в.) Абакан, 1987; Кривоногов В.П. Хакасия: этнические процессы во второй половине XX в. Абакан, 1997; Асочакова В.Н. Христианизация хакасов в XVIII веке – 1861 г. Абакан, 2008 и т.д.

²⁴Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVIII – начала XX века. Новосибирск, 2005; Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995 и т.д.

родных языков этнолокальными группами занимались Е.Б. Лукиева, И.В. Нам, Н.И. Наумова, И.В. Черказьянова, О.Л. Корольков, К.В. Петроченко и т.д.²⁵.

Важные лингвистические аспекты образования и языковой культуры этнических групп населения Сибири получили освещение в работах Ю. Вийксберга, В.А. Ойнец-Николаевой, Н.М. Тихомирова, Н.А. Ермякиной, Т.Б. Смирновой, Ж. Сержановой и др.²⁶. Особенности политики в области сохранения и использования родных языков, развития сферы образования нашли отражение в научных журналах²⁷.

В ряде работ освещение этноязыковых проблем осуществлялось через призму «коренизации» этнических меньшинств. Т.Д. Скрынникова и др. трактовали «коренизацию» как «двуединую политику стимулирования национальных языков и национальных элит». М.Н. Губогло и Ф.Г. Сафин процессы «национально-языкового возрождения», инициированные центральной властью в 1920 – 1930-е гг., рассматривали как разновидность «принудительного лингвизма»²⁸.

Таким образом, историографический обзор работ, освещавших демографические и социальные процессы в стране и регионе, показал фрагментарность изучения и отсутствие комплексных исследований, посвященных народонаселенческим процессам юга Красноярского края. По-прежнему отсутствует цельное представление о динамике социально-демографических процессов региона в конце XIX – конце 80-х гг. XX в.

²⁵Лукиева Е.Б. Национальные школы в Сибири в 1920-е – начале 1930-х гг. // Национально-культурная политика и практика ее реализации в Сибирском регионе в первой трети XX в. Новосибирск, 2005. С. 307–348; Нам И.В., Наумова Н.И. Национальная («инородческая») школа Сибири в образовательной политике власти (конец XIX – 1919 г.) // Там же. С. 175–306; Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа в Сибири (XVIII – 1938 г.). М., 2000 и др.

²⁶Вийксберг Ю. Эстонские языковые островки в Сибири (Возникновение, изменения, контакты). Таллин, 1986; Ойнец-Николаева В.А. Эстонцы в Сибири в XXI веке // Сохранение и взаимопроникновение национальных культур. Красноярск, 2004. С. 159–165; Сержанова Ж. Влияние социально-демографических факторов на речевое поведение немцев Красноярского края // Диаспоры. М., 2010. № 2. С. 21–36 и др.

²⁷Брук С.И., Губогло М.Н. Двужычие и сближение наций в СССР // Советская этнография. 1975. № 3. С. 18–27; Брук С.И., Губогло М.Н. Развитие и взаимодействие этнодемографических и этнолингвистических процессов в советском обществе на современном этапе // История СССР. 1974. № 4. С. 26–45 и т.д.

²⁸Скрынникова Т.Д. и др. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период). Улан-Удэ, 2004. Губогло М.Н., Сафин Ф.Г. Принудительный лингвизм. Социоллингвистические очерки об этнополитической ситуации в СССР в 1920–1930-е годы. М., 2000.

Цель исследования – на основе комплексной реконструкции процессов развития народонаселения юга Красноярского края в конце XX – конце 80-х гг. XX в., анализа динамики количественных и качественных параметров воспроизводства населения выявить ведущие тенденции его трансформации и оценить качество народонаселения в русле оценки человеческого потенциала региона.

Исходя из цели, поставлены следующие **задачи**:

- исследовать территориальные зоны расселения старожильского, коренного и переселенческого компонентов населения юга Красноярского края с учетом мест выхода, характера расселения и последующего влияния миграционных потоков;

- выявить причины, динамику, факторы трансформации численности и состава населения региона по возрастному, половому, этническому и др. признакам;

- охарактеризовать основные процессы, этапы, тенденции, динамику естественного движения, исторические типы воспроизводства населения;

- раскрыть особенности эволюции семейно-брачных отношений населения юга края, основные демографические характеристики и тенденции развития семьи;

- проследить динамику формирования, этнический, социально-профессиональный состав, степень устойчивости этнически однородных и смешанных браков на материалах Хакасии;

- охарактеризовать языковые реалии и региональную политику в области образования в крае в конце XIX – конце 80-х гг. XX в.;

- выявить специфику народонаселенческих процессов юга Красноярского края с учетом общероссийских закономерностей.

Объектом работы является народонаселение юга Красноярского края как сложная историко-культурная общность, развитие которой подчинено законам естественного, пространственного и социокультурного движения.

Предметом исследования являются демографические и социальные процессы народонаселения юга Красноярского края в конце XIX – конце 80-х гг. XX в.

Хронологические рамки исследования охватывают период конца XIX – конца 80-х гг. XX в. Основанием для определения нижней временной границы явилось, во-первых, формирование в Енисейской губернии значительного массива старожильского и пришлого населения, нашедшее отражение в Первой всеобщей переписи населения 1897 г., во-вторых, проявление существенных изменений в процессе воспроизводства населения в связи с переходом российского общества от аграрной к индустриальной стадии, началом демографического перехода. Верхняя временная граница определена перестроечным периодом, когда процессы депопуляции населения на юге Красноярского края еще не проявились. В то же время произошли глубокие трансформационные изменения, касавшиеся структуры и воспроизводства населения, брачно-семейных отношений, отраженные переписью населения 1989 г.

Территориальные рамки исследования определены с учетом природно-географического зонирования территории Красноярского края. Ввиду слабой заселенности северной и центральной его частей, относящихся к Крайнему Северу, исследование ограничено югом края. Юг Красноярского края имеет общие историко-культурные, экономические, социально-демографические, этнические параметры развития, что позволяет рассматривать его как целостный регион, связанный внутренним единством²⁹. Система рек бассейна Среднего Енисея (Ангара, Кан, Мана, Туба, Абакан) естественным образом обуславливала компактность, целостность территории. Вследствие этого она именовалась в прошлом Приенисейской Сибирью, а в 1822 г. получила название Енисейской губернии³⁰. Население губернии концентрировалось в пределах округов (с 1893 г. – уездов) Ачинский, Енисейский, Канский, Красноярский, Минусинский, с

²⁹Медушевский А.Н. Региональная история в глобальном измерении // Российская история. 2009. № 3. С. 3–4.

³⁰Енисейский энциклопедический словарь. Красноярск, 1998. С. 7–8.

1925 г. – Хакасский. В 1934 г. практически в прежних границах Енисейской губернии был образован Красноярский край.

Теоретическая и методологическая база исследования основывается на применении общенаучных, специальных исторических подходов, методов, принципов познания и теоретических положений ведущих отечественных школ и исследователей.

В решении исследовательских задач автор руководствовался принципами научности, объективности, системности, обеспеченными репрезентативностью использованных источников, корректными методами их анализа и интерпретации. Принцип историзма позволил охарактеризовать народонаселенческие процессы юга Красноярского края в конкретно-историческом контексте и развитии. Использование историко-сравнительного, ретроспективного, проблемно-хронологических методов дало возможность проанализировать количественные и качественные параметры населения на длительном временном интервале с учетом специфики отдельных этнических сообществ. Характеристика основных тенденций в процессе воспроизводства населения региона осуществлялась в сопоставлении с общероссийскими показателями.

В проведении конкретных социально-демографических исследований автор руководствовался общей теорией народонаселения и ее методическим инструментарием. Рассмотрение всеобщего закона развития народонаселения как перехода от одного исторического типа воспроизводства к другому, изменения его количественных и качественных характеристик (от традиционного к рациональному) в отношении населения края осуществлялось в контексте теории модернизации, связанной с ней урбанизации, а также концепции демографического перехода. Анализ социально-экономических, военно-политических, культурных и иных факторов, определявших формирование и воспроизводство населения края, осуществлялся на основе сочетания применения формационного и цивилизационного подходов.

Этнодемографическая проблематика разрабатывалась с опорой на основные положения теории Ю.В. Бромлея об этносах, этнической общности (народе) В.А. Тишкова³¹. Выявлению специфики формирования и трансформации полиэтничного населения края способствовала трактовка Н.А. Томиловым изучения Сибири как истории «всех существующих разновидностей историко-культурных общностей»³².

При разработке проблематики исследования автор руководствовался положениями концепции демографической безопасности государства, важнейшим принципом которой, по мнению С.В. Соболевой и О.Д. Чудаевой, является «состояние защищенности жизни, воспроизводства и формирования демографических структур (половозрастной, этнической, семейной) от демографических угроз с помощью институциональных структур»³³. Л.Л. Рыбаковский подчеркивал геополитические аспекты демографической безопасности, полагая, что «обезлюживание» большей части территории страны, особенно в стратегически важных, богатых энерго-сырьевыми ресурсами районах, создает реальную угрозу национальным интересам, вплоть до утраты государственной целостности³⁴. Это утверждение звучит особенно актуально для регионов Сибири.

А.А. Саградов, анализируя качество «человеческих ресурсов», обращал внимание на личные параметры и совокупные структуры населения (возрастная, этническая, брачная, образовательная, социальная и др.), рассматривая их во взаимосвязи, учитывая влияние на демографические процессы социально-экономических, технических, культурных, экологических и иных условий жизни³⁵.

³¹Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983; Тишков В.А. Реквием по этносу: исследование по социально-культурной антропологии. М., 2003.

³²Томилов Н.А. Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири). Томск, 1993. С. 25.

³³Соболева С.В., Чудаева О.В. Демографическая безопасность России и ее регионов: факторы, проблемы, индикаторы // Регион: экономика и социология. 2008. № 3. С. 149, 154.

³⁴Рыбаковский Л.Л. Демографическая безопасность: геополитические аспекты. [Электронный ресурс]. URL: http://www.religare.ru/2_10942.html (дата обращения: 23.11.2011).

³⁵Саградов А.А. Качество населения: концепция и измерение // Человеческий капитал в России в 1990-х гг. М., 2000. С. 5–8.

В разработке проблематики исследования автор учитывал классификацию Т.И. Заславской, выделившей в русле концепции «человеческого потенциала» в качестве ключевых социально-демографический и социокультурный компоненты, обусловленные численностью населения, сбалансированностью его структуры по полу и возрасту, здоровьем людей, уровнем образованности и культуры³⁶.

Анализ народонаселения на мезоуровне представляется наиболее приемлемым и позволяет проводить сопоставления с общероссийскими показателями на макроуровне. Основой исследовательского подхода явилось выделение и описание таких параметров в развитии народонаселения региона как численность, этнический состав, естественное и миграционное движение, состояние здоровья и образования населения, уровень языковых компетенций этнических меньшинств, репродуктивные установки и режим воспроизводства населения, детность семьи, свидетельствующие о степени устойчивости социально-демографических структур края.

Источниковая база исследования представлена комплексом письменных источников, в том числе хранящихся в 38 фондах восьми архивов Российской Федерации. По назначению, форме и содержанию они подразделяются на группы: законодательные, делопроизводственные, статистические, документы партийных организаций, личного происхождения, экономико-географические описания.

Опорными источниками явились статистические материалы, позволившие в динамике проанализировать количественные и качественные сдвиги народонаселения региона. Использование материалов десяти переписей населения: 1897, 1920, 1923 (городская), 1926, 1937, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 годов дало возможность выявить состав населения по возрасту, полу, семейной, социальной, этнической принадлежности, месту проживания, миграционной под-

³⁶Заславская Т.И. Человеческий фактор в трансформации российского общества [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rus-crisis.ru> (дата обращения: 26.11. 2010).

вижности, выявить изменение социокультурных характеристик населения. Это массовый источник, содержащий разнообразную, единовременно полученную информацию. Основными проблемами в его использовании стали неполнота учета населения, особенно в периоды социально-демографических катастроф, несопоставимость материалов, полученных из переписей разных лет. Так, в переписях 1897 и 1926 гг. большое внимание уделялось получению сведений о миграции населения. В переписях населения 1937, 1939 и 1959 гг. вопросы о миграции отсутствовали, в значительной степени из-за недооценки причин и роли миграции, а также массовых репрессий и насильственных переселений. Сведения о миграционных процессах появились только в переписях 1970, 1979, 1989 гг.³⁷

Всеобщая перепись населения 1897 г., группируя народы империи по общим признакам, выделила в качестве основных религиозную принадлежность и язык, игнорируя этничность. Перепись 1926 г. национальную структуру населения зафиксировала достаточно точно, что свидетельствовало о стремлении власти учесть не только исторически оформившиеся этносы, но и «промежуточные» их состояния. Изменившиеся подходы в национальной политике отразились в сокращении перечня этнических сообществ в переписи 1939 г.

Демографические сведения о естественном движении населения по регионам в разработках переписей 1959, 1970, 1979 гг. отсутствовали, но появились данные о численности национально-смешанных семей, однако, без указания конкретной этнической принадлежности супругов. Поэтому для исследования брачности важным массовым источником могут служить материалы текущего учета населения. Характеристика брачности в Хакасии осуществлялась по материалам архива Комитета ЗАГС при правительстве Республики Хакасия (РХ). Для выявления степени устойчивости гомогенных и смешанных семей осуществлялась 25,0–100,0% выборка по годам, совпадавшим с проведением переписи

³⁷Мкртчян Н. Статистические источники информации о миграции населения в России //Методология и методы изучения миграционных процессов. 2007. С. 184–209.

сей населения. Выборка касалась г. Абакана и Аскизского района, где компактно проживало коренное население. Применялся метод выявления частоты смешанных браков с учетом комбинаций национальностей супругов. Материалы использовались в комплексе с данными Федеральной службы государственной статистики по РХ, раскрывавшими демографический состав исследуемых групп по полу, возрасту и этнической принадлежности.

В ГАРФ особый интерес представляют статистические материалы, связанные с организацией и деятельностью Красноярского отдела здравоохранения, позволившие выявить динамику, характер заболеваемости и смертности населения в 1920–1930-е гг. (Ф. А-482). В районных архивах края содержатся сведения о параметрах воспроизводства, естественной и миграционной активности населения (Архив г. Минусинска (АГМ). Ф. 372; Архивный отдел администрации Курагинского района. Ф. 9, Р-1; Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф. Р-169). Данные показатели представляют важный срез социально-демографических процессов, характерных для районов края. Государственный архив Красноярского края (ГАКК) содержит материалы городской и сельскохозяйственной переписей 1917 г., уточняющие численность, состав, занятия населения Енисейской губ. с учетом его перемещений в период Первой мировой войны (Ф. 31).

Существенным дополнением к материалам переписей, ликвидирующим лакуны в освещении естественного движения населения, стали сведения, полученные из различных статистических сборников³⁸.

Законодательные акты характеризуют государственную политику в области семьи и брака (кодексы о брачном, семейном и опекуном праве 1918, 1926, 1969 гг.), административно-территориальное устройство, принципы и направ-

³⁸Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения России, язык и роды инородцев. СПб., 1911. Т. 2. 1911; Памятная книжка Енисейской губ. с адрес-календарем, сост. 1 января 1898 г. Красноярск, 1897 и др.; Статистический обзор Енисейской губ. за 1915 г. Красноярск, 1916; Население Сибири. Т. 1. Вып. 5. Н-Николаевск, 1921; Сибирский край. Новосибирск, 1930; Естественное движение населения в Сибкрае за 1925–1927 гг. Новосибирск, 1930; Народное хозяйство Красноярского края. Красноярск, 1985; Социально-демографические показатели, характеризующие национальный состав населения края. Красноярск, 1991 и т.д.

ления миграционной политики. Большое значение для исследования государственной политики в сфере здравоохранения, образования в 1918–1940 гг. имели постановления, распоряжения и указы ВЦИК, СНК, Наркомата по делам национальностей, Наркомата просвещения РСФСР (ГАРФ. А-2306, Р-1318).

Обширную группу источников представляют делопроизводственные комплексы местных органов власти. Материалы Енисейского губоно (ГАКК. Р-93), Красноярского крайоно (П-26), подотдела материнства и младенчества губернского отдела здравоохранения (Р-1224) позволили оценить состояние системы образования и здравоохранения в крае в 1920–1930-е гг.

В особую группу могут быть выделены документы ВКП (б) и КПСС, важные для понимания принципиальной линии партийного руководства социально-демографическими процессами. Данная группа включает делопроизводственные источники различных категорий. Материалы статистического и учетно-контрольного характера представлены результатами обследований 1920-х гг. Енисейским губкомом ВКП (б) бывших колоний ссыльнопоселенцев и переселенческих участков, возникших в конце XIX–первой трети XX в. в Минусинском, Ачинском, Канском, Красноярском уездах (ГАКК. Ф. 136, 1299, П-6, П-5, П-96; АГМ. Ф. 42). Списки поселений с указанием численности и состава населения дают возможность оценить специфику расселения этнических групп, их хозяйственно-бытовые, социокультурные особенности. Источники указывают на стремление власти привлечь наиболее подготовленных представителей национальных меньшинств к выполнению хозяйственной, партийной и советской работы (ГАНО. Ф. П-1; ГАКК. Ф. 1205; РГАСПИ. Ф. 17). Документы Сиббюро ВКП (б) за 1920–1923 гг. раскрывают положение беженцев и военнопленных в Енисейской губ., использование их в качестве проводников революции в Европе (РГАСПИ. Ф. 549; ГАКК. Ф. П-49).

Регистрационные карточки иностранных подданных, подавших заявления об оптации, анкеты представителей национальных меньшинств, выдвигавшихся на советскую работу, имеют информационную ценность для изучения населе-

ния. Они включают сведения о месте и длительности проживания в населенном пункте, возрасте, семейном и социальном положении, вероисповедании, занятиях, языковых компетенциях (АГМ. Ф. 115). Вместе с материалами Сибкрайкома ВКП (б) за 1920–1930-е гг. они характеризуют деятельность органов охраны материнства и младенчества Сибирского края, мероприятия, направленные на укрепление социального статуса женщин. Здесь же представлен массив информации о развитии образования в Енисейской губернии, в том числе в школах этнических меньшинств (ГАНО. Ф. П-2).

Материалы, связанные с деятельностью партийных органов в социально-демографической сфере, были опубликованы в ряде документальных сборников³⁹.

В работе использовались экономико-географические описания, карты, справочники, путеводители, позволившие установить места расселения и численность старожильского, коренного и пришлого населения, уточнить административно-территориальные границы в процессе районирования⁴⁰. Источники личного происхождения, районные газеты воссоздают историю повседневной жизни населения края⁴¹.

В анализе источников использовались демографические методы: условного поколения, количественные методы. Применялся метод экономико-географического исследования с целью выявления особенностей формирования и размещения населения, сложившихся в регионе миграционных связей.

Выявленные опубликованные и впервые вводимые в научный оборот документы представляют собой многочисленный, разрозненный массив сведений с разной степенью полноты, достоверности и информативности. Объемная работа по внутренней критике сложившегося источниковедческого комплекса, со-

³⁹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988). 8-е изд. Т. 1–15. М., 1970–1989; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1–16. М., 1967–1988.

⁴⁰ Алфавитный указатель переселенческих и запасных участков Енисейской губернии, образованных с 1853 по 1912 гг. включительно. Красноярск. [Б.д.]; Список населенных мест Сибирского края. Новосибирск, 1926; Енисейский энциклопедический словарь. Красноярск, 1998 и т.д.

⁴¹ Латыши с берегов Енисея. История. Люди. События. Красноярск, 2005; Поляки на Енисее. Красноярск, 2003.

поставление и верификация полученных данных позволили охарактеризовать развитие народонаселения юга Красноярского края многоаспектно, разнопланово, отражая демографические и социальные процессы во всех их проявлениях в установленных географических и хронологических рамках.

На защиту выносятся следующие положения диссертации:

1. Установлено, что формирование населения юга Красноярского края осуществлялось на полиэтничной основе. Этнический фактор определял специфику процессов воспроизводства народонаселения, этноязыковую ситуацию региона.

2. Выявлено, что пополнение населения региона за счет межрайонных миграций происходило на протяжении всего исследуемого периода, с разной долей интенсивности с учетом таких факторов, как государственная политика по отношению к переселенцам, состояние экономики и социальной сферы в местах выхода и вселения пришлого населения, социально-политические кризисы и войны.

3. Доказано, что характер расселения коренного и пришлого населения оказывает значительное влияние на интенсивность и направление развития демографических и социальных процессов. Компактное расселение и образование моноэтнических поселений этнодисперсных групп способствуют сохранению национальной специфики в социально-бытовой, культурной и производственной сферах. Дисперсное расселение переселенцев в уже существовавшие старожильческие поселения или земли коренного населения способствовало ускоренному размыванию черт национальной идентичности, создавало условия для языковой и этнической ассимиляции.

4. Выявлено, что основным источником роста населения региона, наряду с сохранением значительного механического притока, являлся естественный прирост.

5. Доказано, что протекание демографических процессов на юге Красноярского края осуществлялось под влиянием процессов демографической модер-

низации в РСФСР, но имело региональную специфику по ряду общих показателей, а также в социальном и этническом аспектах (сохранение более сбалансированной возрастно-половой структуры, высокого естественного прироста, более длительного сохранения расширенного воспроизводства). В крае отмечалось отставание от РСФСР в темпах осуществления демографического перехода в среднем на 10 – 15 лет.

6. Уточнено, что динамика естественного движения населения юга Красноярского края определялась демографическими, политическими, социально-экономическими, этническими, природно-биологическими факторами. Социально-демографические процессы среди коренного и пришлого населения региона, изначально имевшие разные стартовые условия демографической модернизации в связи со спецификой жизни, быта, культуры, постепенно нивелировались.

7. Установлено, что в исследуемый период брачно-семейные отношения населения региона подверглись трансформации, обусловленной переходом от расширенного к суженному режиму воспроизводства населения, от многодетности к среднететности, но при этом сохранилась практически всеобщая, ранняя брачность, дифференцируемая по половому признаку. В ходе демографической модернизации сократилась численность и упростилась структура семьи, однако, сохранялись различия в определенных социальных и этнических группах.

8. На примере Хакасской автономной области выявлено, что уровень межэтнической брачности в регионе являлся более высоким, чем в РСФСР. Городской образ жизни, миграционная подвижность, поликультурная среда общения способствовала заключению большего количества этнически смешанных браков. Сельская местность с более традиционным укладом жизни и сохранением этнической специфики в большей мере способствовала сохранению брачной эндогамии.

9. Определено, что важной составляющей «человеческого капитала» юга Красноярского края являлся его образовательный потенциал, определявший развитие интеллектуальной, социально-экономической и общественной деятельности населения края. Полиэтничность образовательно-языковой среды обусловила взаимодействие старожильского, коренного и пришлого компонентов населения в образовательно-культурном пространстве. Сохранение родного языка как средства внутриэтнического и семейного общения – важный показатель сохранения этничности в поликультурном сообществе. Распространение билингвизма и переход на русский язык – результат языковой ассимиляции со стороны численно преобладавшего русского сообщества.

Научная новизна результатов работы заключается в том, что оно является первым комплексным междисциплинарным исследованием демографических и социальных процессов на юге Красноярского края на протяжении ста лет. Реконструирована региональная картина народонаселенческих процессов с учетом причин, динамики, детерминирующих факторов.

Выявленные количественные и качественные параметры народонаселения юга края в конце XIX – конце 80-х гг. XX в. позволили в проблемно-хронологическом ключе разработать целостную концепцию регионального варианта трансформации социально-демографических процессов в сопоставлении с общероссийскими тенденциями.

На основе реконструкции народонаселенческих процессов края автором были апробированы теоретико-методологические положения общей теории народонаселения, концепций демографической модернизации, урбанизации. Проанализированы возрастно-половая структура населения, численность и состав домохозяйств, охарактеризован режим воспроизводства, выявлены особенности эволюции брачно-семейных отношений. Учтена специфика демографического развития различных этнических групп. Раскрыты особенности миграционных процессов в контексте формирования населения региона. Дана классификация миграций по причинам, типам, направлениям.

В исследовании раскрыты причины, этапы и факторы процесса этноязыковой трансформации различных этнических сообществ в конце XIX – конце 80-х гг. XX в., дана оценка государственной политики в просветительно-образовательной сфере в контексте социально-демографических процессов, показана динамика и факторы повышения уровня образованности населения.

Исследование базируется на авторских подсчетах различных социально-демографических показателей, полученных на основе обработки первичной статистики. Результаты произведенных расчетов содержатся в приложении, включающем 106 таблиц, 58 рисунков в форме графиков, схем и диаграмм.

Практическая значимость. В результате проведенного исследования были обобщены и систематизированы статистические материалы, введены в научный оборот новые архивные источники. Выводы и основные положения работы могут быть использованы для дальнейших научных изысканий различных аспектов демографической и социальной политики края, подготовки учебных курсов по истории Сибири. Результаты и выводы работы в известной степени ликвидируют лакуны в территориальном и проблемном аспектах в историографии народонаселения Сибири. Они могут послужить основой для дальнейших исследований в русле локальной истории населения других сибирских регионов, как в исторической ретроспективе, так и в контексте современной проблематики. Материалы исследования могут быть полезны при разработке исполнительными органами Красноярского края и Республики Хакасия политики в сфере межнациональных отношений, семейной и демографической политики с целью повышения ее эффективности.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования нашли отражение в 49 статьях (в том числе 14 из перечня ВАК), 2 монографиях, учебном пособии общим объемом 53,0 п.л., были апробированы на международных – Пенза (2007), Абакан (2007–2012), Кызыл, Красноярск (2008), Барнаул (2008), Тюмень (2008–2010), Горно-Алтайск (2008),

Саранск (2012), а также всероссийских – Оренбург (2009), Новосибирск (2009), Иркутск (2012) конференциях.

В рамках проблематики исследования автором осуществлены научные изыскания по проекту РГНФ – Правительства РХ «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Ледовитым океаном» (2008–2009); Федеральной целевой программе «Этнокультурный потенциал Сибири в контексте конкурентоспособности региона» (2010, 2011, 2012); НИР по заданию Минобрнауки РФ «Сохранение исторического наследия народов Саяно-Алтая как фактор укрепления национальной безопасности государства» (2011), «Исторический опыт социокультурной модернизации Саяно-Алтая как фактор поступательного развития региона» (2012, 2013).

Материалы исследования апробированы в разработке и проведении учебных курсов по народонаселению для магистрантов по направлению «История».

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, состоящих из двенадцати разделов, заключения, списка источников и литературы, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обоснована актуальность проблемы, проанализировано состояние ее разработанности, определены объект и предмет, цель и задачи, обозначены хронологические и территориальные рамки, показана теоретическая и методологическая основа, дан анализ источниковой базы, раскрыты научная новизна и практическая значимость, подтверждена апробация работы.

Глава 1 «Миграционные процессы на юге Красноярского края. Формирование полиэтничного общества», состоящая из трех разделов, характеризует народонаселение региона в контексте механического движения, которое рассматривается как фактор, оказывающий существенное влияние на численность, состав и воспроизводство населения.

В разделе **1.1 «Переселение в Енисейскую губернию в конце XIX–середине 1910-х гг.»** проанализированы направления миграционных потоков с учетом мест выхода и расселения переселенцев, их этнического состава. Показано, что на протяжении последней трети XIX – 1910-е гг. происходил интенсивный прирост населения южных районов Енисейской губернии. С 1865 по 1917 гг. население края увеличилось в 3,3 раза – с 310 338 до 1 024 421 чел. На интенсивность миграции влияли изменение законодательства и переселенческой политики правительства Российской империи. До 1890-х гг. проводилась запретительная политика в отношении беднейших слоев крестьянства, ограничение переселения зажиточных крестьян и середняков. Значительный приток населения края давал уголовный и политический, преимущественно, мужской компонент поселенцев. Формирование в 1893 г. переселенческих структур Енисейской губернии, строительство Транссибирской магистрали, расширение перечня льгот и выплат переселенцам, снятие ограничений, связанных с обязательствами крестьян по отношению к общине активизировали миграционные потоки. Перепись 1897 г. зафиксировала в Енисейской губернии 27,0% пришлого населения. Динамика численности переселенцев определялась состоянием сельского хозяйства и промышленности в местах выхода и вселения мигрантов, внутри- и внешнеполитической ситуацией. Войны (русско-японская, Первая мировая), революционные кризисы в стране также влияли на изменение направления и интенсивности миграционных потоков.

Приток мигрантов в районы с лучшими природно-климатическими условиями и социально-бытовой инфраструктурой сформировал «очаговый» характер расселения в крае. Наиболее плотно заселенными оказались Ачинский и Канский округа, близлежащие к Транссибу, а также сельскохозяйственный Минусинский. Красноярский и Енисейский округа осваивались как промышленные районы. Вследствие разновременности заселения территории различными категориями населения, определенных ограничений для жителей западных гу-

берний (украинцев, белорусов, поляков), концентрация разных этнических групп в районах края была различной.

Минусинский уезд являлся местом сосредоточения коренного хакасского населения, наиболее крупных этнолокальных групп мордвы, эстонцев, латышей, финнов. Ссылнокаторжные из Прибалтики расселялись в уезде компактными колониями. В Ачинском уезде дисперсно разместились поляки, евреи, чуваша, татары, компактно проживали хакасы. Население Красноярского, Канского, Енисейского уездов также формировалось на полиэтничной основе.

Основными местами выхода переселенцев являлись губернии: Центрально-Черноземного района (Тамбовская, Пензенская, Курская, Орловская), «малороссийские» (Полтавская, Черниговская), Приуральские (Вятская, Пермская), Приволжские (Самарская, Казанская), сибирские (Тобольская, Томская). Нечерноземная зона, ввиду отхода части сельской рабочей силы в города, давала небольшой приток мигрантов. Переселение из польских и белорусских губерний имело ограниченный характер из-за сдерживания правительством переселения православного населения. Мигранты оседали на землях старожильского и коренного населения, переселенческих участках.

В разделе **1.2 «Миграционные процессы на юге края в конце 1910-х гг.–середине 1940-х гг.»** выявлено, что в формировании населения Приенисейской Сибири по-прежнему значительную роль играли межрайонные миграции. Масштабы переселения на юг края, возобновившегося в 1920-е гг., соответствовали масштабам переселения 1897–1917 гг. Соотношение переселенцев, прибывших до 1917 г. и в течение 1917 – 1926 гг., составляло в целом 49,5% к 50,5%, различаясь по уездам. География выхода переселенцев включала аграрно-перенаселенные районы европейской части СССР (Центрально-Черноземный, Средне-Волжский, Западный), Белоруссии, северо-западных губерний РСФСР, в меньшей степени Украины, где получило развитие внутри-республиканское переселение.

Население Енисейской губернии с 1917 по 1939 гг. выросло в 1,91 раза, достигнув 1 960 524 чел. Подавляющее число мигрантов оседало в сельской местности. Доля горожан составила 29,8%. Наибольший поток городской миграции пришелся на Красноярский округ. Наиболее урбанизированными народами оказались евреи, татары, поляки, украинцы и русские.

Учет населения юга края затруднялся встречными миграционными потоками: с одной стороны, возвращением на родину репатриантов, военнопленных, оптантов (немцы, эстонцы, латыши, литовцы, поляки, венгры, финны), с другой, – процессом реоптации, подачи многочисленных ходатайств о получении советского гражданства иностранными подданными, потоком «голодбеженцев». В 1920–1930-е гг. крестьянское переселенческое движение дополнялось перемещением трудовых ресурсов в малонаселенные районы нового промышленно-энергетического строительства юга Красноярского края.

Миграционные процессы существенно изменили этнический состав населения. Всесоюзные переписи населения 1926 и 1939 гг. зафиксировали в составе жителей региона существенный прирост русского населения, доля которого увеличилась с 76,3 до 86,1%, сокращение удельного веса белорусов – с 7,4 до 0,98%, украинцев – с 5,7 до 2,74%, поляков – с 0,97 до 0,44%. Доля славянских народов уменьшилась с 90,4 до 90,26%. При росте численности хакасов их доля в составе населения сократилась с 2,9 до 2,5%. Возросла численность и доля народов Поволжья – татар (с 1,48 до 1,6%), мордвы (с 1,27 до 1,28%), чувашей (с 0,57 до 0,7%). Довольно значительной была численность выходцев из Прибалтики. Число эстонцев увеличилось при сокращении их в доле населения с 0,64 до 0,56%. Снижился удельный вес латышей и латгальцев – с 1,03 до 0,84 %.

Во второй половине 1920-х гг. в национальной политике СССР особое внимание уделялось этнической консолидации народов Сибирского края, созданию национальных сельсоветов. В 1926 г. в составе пяти округов бывшей Енисейской губернии было выделено 126 национальных сельсоветов, из них –

49 хакасских, 22 белорусских, 16 украинских, 14 татарских, 8 эстонских, 6 латгальских, 4 польских, 4 мордовских, по 1 немецких, латышских и чувашских.

В 1930-е гг. социально-ориентированные миграции были дополнены принудительными переселениями спецконтингентов «кулаков», «социально чуждых элементов», а также этническими депортациями.

В соотношении динамики естественного и миграционного прироста населения юга края в целом, а также отдельных этнических сообществ в 1920–1940-е гг. приоритетным был миграционный прирост. В период Великой Отечественной войны регион стал местом эвакуации населения западных и центральных районов страны.

В разделе **1.3 «Специфика миграционных процессов народонаселения Красноярского края во второй половине 1940-х-конце 1980-х гг.»** констатируется, что во второй половине XX в. происходило увеличение общей численности (3,6 млн. в 1989 г.) населения региона. Процессы индустриализации и урбанизации способствовали росту городского населения края (72,8%). Источниками пополнения населения явились организованные и самодеятельные миграции внутри региона и за его пределами. Именно за их счет в регионе стабилизировалась доля народов Урала и Поволжья. Доля этносов, не пополнявшихся за счет миграции (немцы, поляки, евреи, латыши, эстонцы), стабильно сокращалась. Позже, в 1990-е гг., в связи с распадом советского геополитического пространства, представители многих народов, обретших государственный суверенитет, при поддержке правительств этих стран вернулись на историческую родину.

Этнодемографическая ситуация на протяжении всего XX в. характеризовалась повышением уровня многонациональности. Перепись 1989 г. зафиксировала 146 этносов. В течение столетия национальный состав региона претерпел значительные изменения, хотя они не были радикальными: практически одни и те же народы входили в число наиболее многочисленных.

В главе 2 «**Особенности естественного движения населения юга Красноярского края**», состоящей из трех разделов, рассматриваются рождаемость, смертность, естественный прирост населения в контексте влияния демографических, природно-биологических, социально-экономических, политических, социокультурных факторов. Анализируется динамика половозрастной структуры населения, ввиду тесной взаимосвязи ее изменений со всеми демографическими процессами.

В разделе 2.1 «**Характер и динамика развития воспроизводственных процессов в Енисейской губернии в конце XIX – середине 1910-х гг.**» дается оценка демографических процессов. Половозрастная структура жителей края была типичной для народов с неограниченной рождаемостью и высокой смертностью (возрастно-половая пирамида была широкой в основании, но быстро сужающейся кверху). Высокая доля детей (36,7% в 1897 г.) и небольшой удельный вес лиц старшего возраста свыше 55 лет (10,8%) свидетельствовали о «демографически молодом» населении. Мужское население преобладало над женским, ввиду наличия большого поселенческого компонента (51,8 против 48,2% по результатам переписи 1897 г.). Такая структура населения продержалась до конца 1910-х гг., претерпев деформацию в связи с демографическими потерями Первой мировой войны.

Динамика рождаемости населения была очень высокой на протяжении конца XIX – начала XX в. (54,5‰ в 1896 г., 56,8‰ в 1909 г.), с учетом некоторых колебаний вследствие резкого увеличения переселенческого компонента и нестабильности его демографического поведения. Уровень рождаемости дифференцировался по этническому и конфессиональному признакам. Общий коэффициент рождаемости сельского населения традиционно превышал показатели горожан. Высокая смертность населения (48,7‰ в 1896 г.), особенно в младенческих и детских возрастах 0–5 лет, большая среди горожан, значительно снижала естественный прирост населения (5,8‰). Факторами смертности населения являлись хозяйственно-бытовая неустроенность пришлого компо-

нента, неразвитость медицины и санитарно-гигиенической культуры населения. Преобладала смертность экзогенного характера (инфекционные и паразитарные заболевания). В 1909 г. наметилась тенденция к снижению смертности (39,9%) и увеличению естественного прироста населения (16,9%). Это свидетельствовало о формировании предпосылок к началу первого этапа демографического перехода в регионе.

Колебания параметров воспроизводства населения зависели, во-первых, от социально-биологического потенциала – числа детей, которых может родить женщина, непрерывно состоящая в браке и не применяющая предохранительных мер; во-вторых, от демографических показателей (численность населения, состояние брачности, соотношение полов в репродуктивных возрастах), в-третьих, от социально-экономического положения в стране, в частности, урожаев и неурожаев в Европейской России и Енисейской губернии, влиявших на миграционные процессы и механический прирост населения; в-четвертых, от последствий внутренней и внешней политики правительства (вступление России в русско-японскую, Первую мировую войны, революционные процессы 1905–1906, 1917 гг., ход переселений и пр.).

В разделе **2.2 «Специфика естественного движения населения края в конце 1910-х–середине 1940-х гг.»** дана характеристика состава и воспроизводства населения региона в конце 1910-х – середине 1940-х гг. с учетом воздействия демографических, социально-экономических, политических факторов. Результаты Всесоюзных переписей 1926 и 1939 гг. зафиксировали в возрастно-половой структуре населения края значительную долю детских возрастов 0 – 14 лет (42,6 и 41,2%), что на 2,8 и 8,4% превышало их долю в РСФСР. Доля лиц старше трудоспособного возраста сократилась с 6,9 до 6,5%. Доля трудоспособного населения стабилизировалась на уровне 52,3% (в РСФСР – 63,4%). Соотношение возрастных групп явилось важным индикатором высокого демографического потенциала населения края.

Диспропорция мужчин и женщин, образовавшаяся в результате Мировой и Гражданской войн, постепенно сглаживалась. Доля мужчин в 1920, 1926, 1939 гг., составлявшая в крае соответственно 49,0, 49,4 и 49,3%, была выше, чем в РСФСР. Однако, сохранялись диспропорции полов в территориальном (по округам, районам, городским и сельским местностям) и этническом разрезе.

Во второй половине 1920-х гг. появились признаки второго этапа демографического перехода от традиционного к «экономному» типу воспроизводства населения. В ходе процесса «демографической компенсации», наступившей после войн и революций, рождаемость населения юга края в 1925–1927 гг. оказалась чрезвычайно высокой по сравнению с показателями РСФСР, поднявшись до 43,9‰ в городской и до 46,9‰ в сельской местности. Процессы урбанизации, смена гендерных ролей в обществе, вовлеченность женщин в производство, изменение репродуктивных установок населения заложили основу последующего снижения рождаемости.

Наметившееся сокращение смертности (24,8‰ в 1925 – 1927 гг.), менее осязаемое по сравнению с общероссийскими показателями, в большей степени затронувшее горожан, нежели сельчан, было связано с организацией системы здравоохранения, санитарно-гигиеническими мероприятиями по оздоровлению труда и быта, учреждением органов охраны материнства и младенчества. Но младенческая (около 238,0‰) и материнская смертность оставались серьезной проблемой. Естественный прирост населения вырос до 22,1‰. Однако эта тенденция оказалась непрочной и была прервана демографическим спадом начала 1930-х гг. Региональные его проявления были не столь осязаемы как в европейской России, однако, форсированная индустриализация, массовая коллективизации, поиски «внутреннего врага» значительно снизили рождаемость (36,4‰). В результате, несмотря на сокращение смертности (19,9‰), прирост населения уменьшился до 16,5‰.

На рубеже 1930-х–начале 1940-х гг. началось преодоление негативных черт демографического развития. При некотором снижении рождаемости по

сравнению с концом 1920-х гг. (36,2‰ в 1940 г.), сохранявшихся различиях в параметрах рождаемости сельчан и горожан, наметилась стабилизация воспроизводства – уменьшение смертности в составе городского и сельского населения (18,9‰) и увеличение естественного прироста (17,3‰). Эта положительная тенденция в развитии народонаселения края была прервана Великой Отечественной войной.

В разделе **2.3 «Эволюция процессов воспроизводства населения юга Красноярского края в конце 1940-х–конце 1980-х гг.»** раскрываются особенности естественного движения населения региона, выявляется неоднозначность процессов социально-демографического развития.

Во второй половине XX в. шел процесс постепенной нормализации половозрастной структуры населения юга Красноярского края. С 1959 по 1989 гг. доля мужчин молодых и средних возрастных групп увеличилась с 47,7 до 48,6%. В сельской местности обнаружилась нехватка женщин репродуктивного возраста. Несмотря на сдвиги в составе населения, улучшение уровня жизни, развитие социальной сферы, проведение в 1970 – 1980-е гг. пронаталистской политики, произошло снижение рождаемости. Общий коэффициент рождаемости сократился в 1,7 раза – с 33,4‰ в начале 1950-х гг. до 19,3‰ в конце 1980-х гг. Снижение рождаемости объяснялось модернизацией репродуктивного поведения, колебаниями численности населения репродуктивных возрастов в связи с «демографическими ямами», применением практики регулирования деторождений.

В 1950–1980-е гг., несмотря на сохранение более высоких показателей в уровне воспроизводства сельчан по сравнению с горожанами, грань между ними начала стираться вследствие распространения городского образа жизни на сельскую местность, деформации состава населения и пр. Сужение воспроизводства населения означало снижение демографического потенциала региона.

В 1970–1989 гг. возросла доля внебрачных рождений на юге Красноярского края: с 13,7 до 19,0%, особенно в сельской местности – с 16,6 до 24,4%.

Результатом снижения рождаемости стало сокращение доли детей 0 – 15 лет: с 30,7% в 1959 г. до 27,3% в 1989 г. Доля лиц старше трудоспособного возраста выросла с 7,2 до 11,3%, что приблизило население региона к порогу «демографической старости», но было меньше, чем по РСФСР, где этот порог был превышен (13,6%).

На протяжении двух десятилетий постоянного снижения смертности, в результате которого Россия оказалась в 1960-е гг. на уровне развитых стран мира (6,6‰ в крае), смертность начала стабильно увеличиваться, достигнув к концу 1980-х гг. 9,0–10,0‰. Факторами роста смертности стали постарение населения, ухудшение социально-экономической и экологической ситуации, недостаточность профилактических мер по борьбе с причинами заболеваний и сверхсмертностью населения.

Вследствие неравномерности и колебаний динамики рождаемости и смертности показатели естественного прироста населения региона были подвержены взлетам и падениям на протяжении послевоенных 40 лет. Наивысшие показатели пришлось на период 1950-х гг., когда высокий уровень компенсаторной рождаемости (33,4‰) при стабильном снижении смертности (12,3‰) дали высокий естественный прирост (21,1‰). Впоследствии, в условиях снижения рождаемости в 1960-е гг., роста коэффициента рождаемости при одновременном повышении коэффициента смертности в 1970–1980-е гг., проявилась отрицательная динамика естественного прироста населения края (18,8‰ в 1960 г., 8,6‰ в 1985 г.).

Сопоставление с данными по РСФСР показывает, что, начиная с 1960 – 1970-х гг. происходило некоторое приближение воспроизводственных параметров юга края к общероссийским, тем не менее, коэффициенты рождаемости и естественного прироста стабильно оставались выше, чем общероссийские.

Глава 3 «Характеристика брачного состояния и семейных отношений населения юга Красноярского края», состоящая из трех разделов, выявляет

особенности и эволюцию брачно-семейных отношений населения региона. Особое внимание уделяется межэтнической брачности на примере Хакасии.

В разделе **3.1 «Особенности брачно-семейных отношений населения Енисейской губернии в конце XIX – 1910-е гг.»** рассматривается специфика семьи и брака в контексте воспроизводства населения, с учетом этнической специфики. В Енисейской губернии в этот период сохранялся традиционный тип брачности, характеризовавшийся высоким уровнем брачного состояния населения (8,6‰), достаточно низким возрастом вступления в брак, незначительной долей окончательного безбрачия и разводов. Подавляющая часть населения губернии проживала в семьях, обеспечивая высокую рождаемость на протяжении всего репродуктивного цикла развития семьи. Самой многочисленной была доля домохозяйств из 6 – 10 чел. (35,0%), несколько меньше из 4 – 5 чел. (29,8%), 2 – 3 чел. (25,9%). Больших домохозяйств в составе 11 и более чел. насчитывалось немного (3,0%). В среднем домохозяйство насчитывало 5,9 чел.

Важной функцией семьи, наряду с воспроизводственной, являлась экономическая, связанная с организацией хозяйства, быта и потребления. Благополучие семьи было тесно увязано с ее численностью, напрямую зависело от совместного труда всех ее членов. Жесткая структура патриархальной семьи обусловила подчиненное, неравноправное положение в ней женщин и детей.

Раздел **3.2 «Трансформация брачно-семейных отношений в регионе в конце 1910-х–1940-е гг.»** подразделяется на два подраздела. В **3.2.1 «Специфика развития брака и семьи на юге края»** раскрываются факторы, определявшие развитие сферы брачно-семейных отношений населения, конкретизируются показатели численности и состава семей, детности, особенности матримонимального поведения под влиянием демографической модернизации.

В 1920-е–первой половине 1940-х гг. на юге края, как и в стране в целом, сохранялась высокая, ранняя брачность и низкий уровень безбрачия населения. Вместе с тем брачное состояние населения было подвержено колебаниям под влиянием изменения законодательства, признавшего юридические и фактиче-

ские браки; социально-экономических, политических трудностей, половозрастных диспропорций (12,6‰ в 1926 г., 6,3‰ в 1934 г., 4,6‰ в 1940 г.). Это негативно отражалось на ходе семейной жизни, численности и структуре семьи. Несмотря на сохранявшиеся в целом традиционные устои семьи, происходило увеличение влияния в ней женщин.

В течение 1890-х – 1940-х гг. численность семей населения юга края сократилась в среднем с 5,9 до 4,5 чел. При этом существовала значительная дифференциация по численности и составу семей в этническом и территориальном разрезе (городская или сельская местность). Основные причины сокращения домохозяйств, упрощения их структуры и уменьшения детности заключались в сокращении рождаемости в связи с уменьшением детской смертности, уменьшением экономической потребности в детях в качестве работников; дальнейшим дроблением семей в результате эволюции жизненного цикла семьи; ростом числа неполных семей, ввиду смерти супругов или разводов. Вместе с тем по людности семей и численности детей регион по-прежнему имел преимущества по сравнению с РСФСР.

В подразделе **3.2.2 «Состояние, динамика и устойчивость этнически однородных и смешанных браков в 1920-1940-е гг. (на примере Хакасии)»** анализируется брачное состояние в автономной области Красноярского края. Характерной чертой брачности была этническая эндогамия, прежде всего коренного хакасского и русского населения. Вместе с тем происходил рост межэтнической брачности (в среднем 24,7% в городских поселениях, 12,2% – в сельской местности), практически в 2 раза превосходивший союзные показатели. Распространение этнически-смешанных браков явилось результатом влияния следующих факторов: а) социально-экономических – усложнения национального состава населения, дисперсности расселения в результате повышения урбанизации и миграционной активности населения; б) демографических – изменения численности, возрастно-половой структуры всего населения и различных этнолокальных групп; в) социокультурных – близости культур и языка

контактирующих народов, благоприятного климата межэтнических отношений в республике. Основная доля смешанных браков заключалась с участием русского населения.

Показатели разводимости в Хакасии в 1920 – 1940-е гг. оставались на низком уровне, как и в крае в целом (2,0‰ в 1925 – 1927 гг., 0,6‰ в 1940 г.). Причины разводов, независимо от того, однородной или этнически смешанной была семья, были вызваны социально-демографическими факторами – большой разницей в возрасте супругов, различным образовательным, социальным, профессиональным статусом, плохими бытовыми условиями. Немаловажную роль в расторжении межнациональных браков играли национально-культурные и бытовые различия, жесткий социальный контроль со стороны родственников и близкого окружения. Наиболее устойчивыми, по сравнению с этнически смешанными и однородными браками русских и других народов, являлись браки хакасов в сельской местности, основанные на традиционном семейно-бытовом укладе, образовавшиеся в привычной для себя природно-климатической, социальной и языковой среде.

Раздел 3.3 «Брачно-семейные отношения на юге Красноярского края в конце 1940-х–конце 1980-гг.» делится на два подраздела, первый из которых **3.3.1 «Состояние семьи и брака в крае»** характеризует трансформацию брачно-семейных отношений с учетом специфики городского и сельского населения, мужской и женской брачности, численности и состава семей, детности.

В послевоенные годы наблюдался компенсаторный подъем брачности населения, к которой побуждали правительственные указы 1944 г. о необходимости регистрации фактических браков. В этот период, а также в 1950 – 1960-е гг. преобладала брачность мужского населения, ввиду образовавшихся диспропорций возрастно-полового состава (в 1959 г. на 47,7 мужчин приходилось 52,3 женщин). Среди мужчин удельный вес разводов и повторных браков был более высоким. Только во второй половине 1970-х – 1980-е гг., когда половозрастная структура населения юга Красноярского края приобрела более сбалансирован-

ный характер (в 1989 г. на 48,6 мужчин приходилось 51,4 женщин), показатели окончательного безбрачия населения, прежде всего женщин, были сведены к минимуму (4 – 5%). Брачное состояние населения, существенно отличавшееся у горожан и сельчан, подвергалось колебаниям, постепенно снижаясь под влиянием социально-демографических факторов (14,1‰ в 1960 г., 9,7‰ в 1989 г.). Увеличилась доля ранних браков молодежи до 19 лет, а также удельный вес брачности в поколении 20 – 29 лет.

Сокращение легитимной брачности, рост разводов с 1960 по 1989 гг. с 0,7 до 4,4‰, повторных и фактических браков, рост материнских семей свидетельствовали о снижении общественного контроля за развитием семьи, росте внесемейных ценностей. Старая патриархальная семья, базировавшаяся на неравноправии и зависимости женщин, «детоцентризме», окончательно ушла в прошлое, уступив место «супружеской» семье.

На протяжении 1940 – 1980-х гг. происходила смена репродуктивных установок населения региона со среднедетности на малодетность, что привело к сокращению численности домохозяйств (с 3,6 до 3,2 чел.), количества детей в семье до одного-двух, дроблению и упрощению структуры семьи. Эти показатели соотносились с общероссийскими, но дифференцировалась территориально и этнически.

В подразделе **3.3.2 «Брак и семья в Хакасии в 1950 – 1980-е гг.»** констатируется, что в условиях форсированной промышленной модернизации автономной области, сопровождавшейся ускоренной урбанизацией и ростом полиэтничности ее населения, при сохранении преобладания этнически однородных семей происходило увеличение доли и усложнение структуры межнациональных браков. Если в РСФСР доля смешанных браков увеличилась с 10,0% в 1959 г. до 17,5% в 1989 г., то в Хакасии с 16,0 до 24,7%.

Значительная доля смешанных браков отмечалась в местах дисперсного расселения мигрантов, повышенной контактности различных этнических групп. Доля межнациональных браков к 1980-м гг. в городской и сельской местности

практически сравнялась, что показывало усилившийся динамизм этнодемографических процессов среди сельского населения. В 1930–1970-е гг. среди коренной национальности доля лиц, вступавших в межэтнические браки, была ниже, чем среди русского и иноэтничного населения. В 1980-е гг. доля хакасов, вступавших в смешанные браки, оказалась в сельской местности выше, нежели у русских и иных народов. Хакаские женщины вступали в смешанные браки более часто, чем мужчины.

В целом рост межэтнической брачности влиял на изменение численности населения в Хакасии, способствуя увеличению доли русского населения за счет ассимиляции различных этнических групп. Данные о разводах не позволяют сделать однозначный вывод о том, что наиболее устойчивыми, по сравнению с этнически смешанными и однородными браками русских и других народов, являлись браки хакасов, как это было в межвоенный период.

В главе 4 «Народонаселение юга Красноярского края в контексте развития языковых процессов и системы образования», состоящей из трех разделов, анализируются социокультурные аспекты в развитии народонаселения края в контексте эволюции образовательно-языковых процессов.

В разделе 4.1 «Языковые реалии и региональная политика в сфере образования в конце XIX в. – середине 1910-х гг.» охарактеризована региональная политика в сфере образования, дана оценка языковых компетенций в среде коренного, старожильческого и пришлого населения. Издержки системы просвещения Российской империи обусловили крайне низкий уровень грамотности большей части населения Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в. (13,7%). Исключение составляли выходцы из Прибалтики, немцы, евреи, поляки, татары, которые в ходе домашнего или школьного обучения получали основы светских и религиозных знаний на родном языке. Учителями школ, как правило, были люди верующие – проповедники, помощники пасторов, ксендзы, муллы и т.д. Уровень образования коренного населения юга Енисейской губернии – хакасов, не имевших собственной письменности, был гораздо ниже, чем

населения в целом. Решение культурно-образовательных задач этнических групп, компактно или дисперсно проживавших в крае, российское министерство просвещения увязывало с изучением государственного языка, что неизбежно влекло за собой русификацию образовательных учреждений.

В конце 1910-х гг. проявилось стремление наиболее крупных этнических групп края к самоорганизации, расширению сети культурно-просветительных и образовательных учреждений, которые должны были стать трансляторами языковой и этнокультурной специфики своих народов. Проживая в Сибири относительно недавно, не утратив осознания общности с теми народами, от которых они оказались оторванными, украинцы, латыши, эстонцы, немцы, евреи, татары и др. стремились к сохранению родных языков как средства внутрисемейного и внутриэтнического общения. Важность этой задачи осознавалась в условиях, когда в конце XIX – начале XX в. переселение в Сибирь приобрело массовый характер и расселение новых мигрантов осуществлялось преимущественно дисперсно среди иноэтничного населения. Это расценивалась как угроза сохранению этнокультурных и языковых особенностей не только малочисленных этнических групп – литовцев, чувашей, пермяков, молдаван, но и более крупных – мордвы, белорусов, украинцев, поляков.

В разделе **4.2 «Состояние образования и этноязыковая политика в конце 1910-х – конце 1940-х гг.»** показаны важные сдвиги в преодолении неграмотности населения юга края, раскрыта специфика организации системы образования на примере школ этнических меньшинств в контексте национальной политики государства. В 1926 г., в сопоставлении с 1897 г., уровень образования населения края вырос на 27,0%, составив 40,7%, в 1939 г., в результате введения всеобуча, вырос на 64,0%, достигнув 77,7%.

Основная масса полиэтничного населения края, за исключением немногочисленных этнолокальных групп, разместившихся чересполосно среди русского населения, сохраняла свои культурно-бытовые традиции и владела родным языком. Возможность изучения родных языков вплоть до конца 1930-х гг. со-

хранялась главным образом в школах первой ступени среди эстонцев, немцев, латышей, татар, в меньшей степени – поляков, украинцев, белорусов, мордвы и чувашей. В Хакасии в 1920-е гг. начали работу десятки национальных школ с преподаванием на родном языке, был разработан хакасский алфавит, создана национальная литература, пресса, что способствовало сохранению и развитию этнической культуры.

К середине 1930-х гг. национальные школы не исчерпали своего потенциала. Однако, форсированный процесс унификации школ, превращение их в механизм сталинской идеи интернационализации, центр атеистической пропаганды и формирования нового общественного сознания означал на практике ликвидацию национального образования.

Возможность сохранения национальной культуры, использования родной речи компактно проживавшими этносами юга края облегчалась наличием, помимо школы, церкви и общественно-культурной жизни в форме проведения сходов, праздников и народных гуляний, где общение осуществлялось на национальных языках. Однако процессы унификации политической системы затронули и школьное образование. Перевод обучения детей в школах национальных меньшинств второй ступени на русский язык, а нередко и закрытие, привели к сужению возможностей использования малыми этническими группами родного языка в качестве средства семейно-бытового и внутриэтнического общения, снижению языковых компетенций.

В разделе **4.3 «Характеристика этноязыковых процессов и образования в регионе в 1950–1980-е гг.»** акцентируется внимание на качественных сдвигах в состоянии образованности жителей региона. Рост удельного веса населения с высшим и средним, сокращение доли лиц с начальным образованием свидетельствовали о структурных изменениях в составе населения края, особенно заметных в городской среде. Характерной чертой языковой ситуации юга Красноярского края стало углубление тенденции к национально-русскому двуязычию во многих этнических сообществах, сокращению сферы применения и зна-

ния родных языков, ощутимо проявившейся среди этнодисперсных групп населения, проживавших в русской или полиэтнической среде. Во многом это было обусловлено применением исключительно русского языка в средней общеобразовательной и высшей школе, на радио и телевидении, а также высоким престижем русского языка, являвшегося основным средством межнационального общения, официальным языком, знание которого гарантировало продвижение в производственной и общественной деятельности.

В **Заключении** подведены основные итоги диссертационного исследования и обозначены перспективы дальнейшего изучения проблемы.

Автору, в соответствии с поставленной целью, удалось на основе комплексной реконструкции процессов развития народонаселения юга Красноярского края на протяжении конца XX – конца 80-х гг. XX в., анализа динамики количественных и качественных параметров воспроизводства населения выявить специфику и ведущие тенденции его трансформации.

Исходя из установки оценить человеческий потенциал региона к концу XX в., автор выявил основные факторы, явления, тенденции, которые положительно или отрицательно влияли на функционирование демографической и социальной подсистем развития народонаселения юга края. Приенисейская Сибирь в течение всего исследуемого периода считалась одним из перспективных районов Российской империи и РСФСР. Обширность территории, высокий природно-ресурсный потенциал, политическая, межэтническая, конфессиональная устойчивость являлись теми позитивными региональными особенностями, в которых осуществлялось развитие края. К факторам, обесценивавшим потенциал юга края, относились слабая плотность заселения, отдаленность территории от центральных районов страны, недостаточный уровень транспортной обеспеченности, хозяйственной освоенности и экстремальность климата.

Формирование населения юга Красноярского края в результате миграций в обозначенных хронологических рамках осуществлялось в несколько этапов:

I. Конец XIX – 1910-е гг. – преимущественно земледельческая колонизация в районы, наиболее благоприятные в природно-климатическом отношении, определившая очаговый характер расселения переселенцев.

II. 1920 – 1940-е гг. – преобладание межрегиональной миграции при корректировке ее форм, методов и масштабов. В условиях хозяйственной разрухи, последовавшей за Первой мировой и Гражданской войнами, правительство сдерживало миграционные потоки, с середины 1920-х гг. регулировало переселенческий процесс, решая проблему аграрного перенаселения в центре страны и обеспечивая трудовыми ресурсами районы нового промышленного освоения Сибири. В 1930 – 1940-е гг. добровольные миграции дополнялись принудительными и вынужденными формами под влиянием военно-политических факторов.

III. 1950 – 1980-е гг. – сочетание межрайонной миграции в ходе масштабного индустриального освоения региона и внутрирайонных перемещений населения из сельской местности в интенсивно растущие города и поселки, испытывавшие потребность в рабочей силе. На протяжении всего периода изменялся этнический состав населения края при абсолютном преобладании и росте русского населения, в том числе за счет ассимиляции. Формирование человеческого потенциала региона к концу исследуемого периода осуществлялось под влиянием противоречивых тенденций. С одной стороны, развитие народонаселения края, в отличие от периода конца XIX – первой трети XX в., осложненно социально-экономическими и политическими кризисами, осуществлялось в мирной обстановке. Это создавало условия и предпосылки для динамичного роста численности, улучшения уровня образования и качества жизни населения юга Красноярского края в связи с развитием жилищной и социокультурной сфер, здравоохранения, образования, политикой поддержки семьи. С другой стороны, выявились такие тенденции, которые можно обозначить как демографические угрозы. Ставка на освоение промышленных и природно-сырьевых ресурсов края предопределила недооценку роли и значения «человеческого капи-

тала» как важнейшего фактора формирования и развития социально-демографического потенциала общества.

Вплоть до 1960-х – начала 1970-х гг. осуществлялось расширенное замещение поколений населения юга Красноярского края. В довоенный период высокая рождаемость при наметившемся снижении смертности давала значительный естественный прирост, определяла многодетность семьи. Демографический переход в регионе имел догоняющий характер, ввиду того, что брачно-семейные отношения и режим воспроизводства населения сочетали в себе черты традиционализма и модернизма. Впоследствии наметились отрицательные тенденции в развитии социально-демографической сферы – снижение всех репродуктивных показателей населения: уменьшение рождаемости, обеспечивавшей суженное воспроизводство; колебания и последующий рост смертности; сокращение качества демографических ресурсов за счет роста заболеваемости и ухудшения здоровья населения; нарушение возрастно-половой структуры населения, старение и рост демографической нагрузки на экономически активное население; модернизация матримониально-прокреативного поведения и в результате – сокращение легитимной брачности, рост разводимости, неполных, бездетных и малодетных семей. Эти процессы свидетельствовали о завершении перехода народонаселения к «современному» типу воспроизводства, формировании малочисленных поколений.

Таким образом, наметились тенденции ослабления демографического потенциала юга края, противоречившие социально-экономическим и геополитическим интересам развития региона и страны в целом. Тем не менее, на рубеже 1980 – 1990-х гг. социально-демографическая ситуация на юге Красноярского края была более благоприятной по ряду демографических параметров (половозрастная структура, медианный возраст населения, состояние естественного прироста и пр.).

Дальнейшее исследование народонаселенческой проблематики с точки зрения сохранения и эффективного использования человеческого потенциала

юга края предполагает изучение социально-демографических процессов в контексте депопуляции 1990 – 2000-х гг. и оттока населения при сохраняющейся потребности в трудовых ресурсах в центральные и другие районы страны, за рубеж.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основные положения диссертационного исследования изложены в 52 научных публикациях с общим авторским вкладом 53,0 п. л.

Публикации в периодических изданиях из Перечня рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования основных научных результатов диссертаций

1. Баранцева Н.А. О влиянии миграции на формирование полиэтничного населения юга Средней Сибири в конце XIX – первой четверти XX вв. // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 3. С. 80–84 (0,5 п. л.).

2. Баранцева Н.А. Состояние, динамика и устойчивость этнически однородных и смешанных браков в Хакасии в 1920 – 1940-е гг. // Известия Алтайского государственного университета. Сер. История. Политология. 2008. 4/5. С. 19–27 (1,0 п. л.).

3. Баранцева Н.А. Этносоциальные процессы среди эстонского населения юга Средней Сибири во второй половине XIX–первой трети XX в. // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск. 2008. № 22. С. 514–524 (0,73 п. л.).

4. Баранцева Н.А. Влияние миграции на численность, состав и размещение полиэтничного населения Минусинского района Красноярского края в 1920–1940-е гг. // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 4. История. Вып. 29. С. 40–46 (0,6 п. л.).

5. Баранцева Н.А. Немцы юга Средней Сибири: основные тенденции этносоциального развития конца XIX–первой трети XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3. С. 50–52 (0,38 п. л.).

6. Баранцева Н.А. Переселение в Енисейскую губернию во второй половине XIX–начале XX века: этносоциальные и демографические аспекты // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 38. История. Вып. 37. С. 33–40 (0,82 п. л.).

7. Баранцева Н.А. Хакасы: особенности этносоциальных процессов в контексте формирования государственности в 1920-е гг. // Известия Алтайского государственного университета. Сер. История. Политология. 2009. 4/3. С. 23–28 (0,7 п. л.).

8. Баранцева Н.А. Брачное состояние населения Хакасии в 1950–1970-е гг. // Известия Алтайского государственного университета. Сер. История. Политология. 2009. 4/4. С. 10–14 (0,62 п. л.).

9. Баранцева Н.А. Народонаселение юга Средней Сибири в условиях демографического перехода (конец XIX – первая треть XX в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 3. С. 60–63 (0,5 п. л.).

10. Баранцева Н.А. Этнодемографические и социокультурные особенности развития малых и средних городов юга Средней Сибири в период «урбанизационного перехода» 1920 – 1950-х гг. // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск. 2010. № 4 (30). С. 213–225 (1,01 п. л.).

11. Баранцева Н.А. Особенности этносоциального и этнодемографического развития славянского населения юга Средней Сибири в первой половине XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. I. С. 17–22 (0,7 п. л.).

12. Баранцева Н.А. Этнодемографические особенности развития семьи в Хакасии в XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. I. С. 23–27 (0,6 п. л.).

13. Баранцева Н.А. Население Красноярского края на завершающей стадии демографического перехода в 1960–1980-е гг. // Вестник Томского государственного педагогического университета. Вып. 3 (118) 2012. С. 43–49 (0,88 п. л.).

14. Баранцева Н.А. Татары Приенисейского края: некоторые аспекты этнодемографического и этносоциального развития в первой половине XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2012. № 2 (16): в 4-х ч. Ч. I. С. 38–41 (0,48 п. л.).

Монографии:

15. Баранцева Н.А. Этносоциальные и этнодемографические процессы на юге Средней Сибири в конце XIX – конце XX вв. Абакан, 2011. 208 с. (12,1 п. л.).

16. Очерки социально-демографического и культурного развития Хакасско-Минусинского края (XVIII – XX вв.) / Н.Я. Артамонова, В.Н. Асочакова, Н.А. Баранцева [и др.]. Абакан, 2012. 228 с. (лично авт. – 2,64 п. л.).

Статьи в научных изданиях, материалах конференций:

17. Баранцева Н.А. Всесоюзная перепись населения 1959 г. как источник изучения городской семьи Хакасии // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2007. Иркутск, 2007. С. 462–466 (0,26 п. л.).

18. Баранцева Н.А. Брачное состояние горожан Средней Сибири накануне и в ходе Великой Отечественной войны // Проблемы демографии, медицины и здоровья населения России: история и современность: статьи IV межд. науч.-практ. конф. Пенза, 2007. С. 41–44 (0,18 п. л.).

19. Баранцева Н.А. Национально-этнические аспекты государственной политики на юге Средней Сибири в 1920-е гг. // XX век в истории России: актуальные проблемы. Сб. мат-в III межд. науч.-практ. конф. Пенза, 2007. С. 16–18 (0,18 п. л.).

20. Баранцева Н.А. Особенности этнодемографических процессов на юге Средней Сибири в 1920–1940-е гг. // Этноссы развивающейся России: проблемы и перспективы. Мат-лы второй межд. науч.-практ. конф. Абакан, 2007. С. 137–145 (0,95 п. л.).

21. Баранцева Н.А. Динамика рождаемости в городских поселениях Хакасии в 1940-е гг. // Опыт реализации национальных проектов и демографическая политика. Сб. статей Всерос. науч.-практ. конф. Пенза, 2007. С. 103–105 (0,14 п. л.).

22. Баранцева Н.А. Этносоциальные факторы формирования населения юга Енисейской губернии в конце XIX–первой четверти XX в. // Хакасия в XX веке: язык, история, культура: мат-лы второй межд. науч.-практ. конф. Абакан, 2007. С. 21–32 (0,62 п. л.).

23. Баранцева Н.А. Государственная политика по национально-этническим вопросам в Минусинском и Хакасском округах Сибирского края (1920-е – начало 1930-х гг.) // Актуальные проблемы Саяно-Алтая и сопредельных территорий. Мат-лы межд. науч.-практ. конф. Вып. 3. Ч. 1. Абакан, 2007. С. 282–298 (0,97 п. л.).

24. Баранцева Н.А. Национально-этнические аспекты образования в Енисейской губернии в 1920-е гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2008. Иркутск, 2008. С. 374–378 (0,25 п. л.).

25. Баранцева Н.А. Особенности этносоциальных процессов среди латышского, латгальского и литовского населения юга Средней Сибири во второй половине XIX–первой трети XX в. // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Мат-лы межд. науч.-практ. конф. Вып. 7. Барнаул, 2008. С. 88–93 (0,72 п. л.).

26. Баранцева Н.А. Этнодемографическая характеристика развития Курагинского района Красноярского края в XX в. // Этноссы развивающейся России: проблемы и перспективы. Мат-лы третьей межд. науч.-практ. конф. Абакан, 2008. С. 113–120 (0,85 п. л.).

27. Баранцева Н.А. Влияние миграционных процессов на динамику народонаселения Минусинского района Красноярского края (1950–1960-е гг.) // Кочевые цивилизации народов Центральной и Северной Азии: история, состояние, проблемы. Сб. мат-в межд. науч.-практ. конф. Красноярск; Кызыл. 2008. С. 66–75 (0,56 п. л.).

28. Баранцева Н.А. Этносоциальная характеристика Минусинского района Красноярского края в 1970–1980-е гг. // Актуальные проблемы этнической, культурной и религиозной толерантности коренных народов Русского и Монгольского Алтая: мат-лы II межд. науч.-практ. конф. Горно-Алтайск, 2008. С. 29–37 (1,0 п. л.).

29. Баранцева Н.А. Отражение этнодемографических и социокультурных характеристик финно-угорских народов юга Средней Сибири в делопроизводственных и статистических материалах // Проблемы историографии, источниковедения и методологии истории. Абакан, 2009. С. 27–43 (1,13 п. л.).

30. Баранцева Н.А. Формирование Хакасской автономии в 1920–1930-е гг. // VIII Конгресс этнографов и антропологов России: тез. докл. / ред. В.А. Тишков. Оренбург, 2009. С. 296 (0,06 п. л.).

31. Баранцева Н.А. Язык в этнокультурном пространстве народов Красноярского края в 1950–1980-е гг. (по материалам всесоюзных переписей населения) // Межкультурная коммуникация: исторический опыт и современные социально-гуманитарные проблемы: Мат-лы межд. науч.-практ. конф. Абакан, 2009. С. 80–84 (0,27 п. л.).

32. Баранцева Н.А. Некоторые аспекты этнодемографического развития Минусинского района Красноярского края в XX в. // Актуальные проблемы исторического краеведения в Сибири. Абакан, 2008. С. 123–131 (0,49 п. л.).

33. Баранцева Н.А. Брачное состояние населения Хакасии в 1980-е гг. // Глобализация: мифы и реальность: Мат-лы межд. науч.-практ. конф. Тюмень, 2009. С. 299–305 (0,54 п. л.).

34. Баранцева Н.А. Некоторые аспекты этноконфессиональных отношений населения юга Средней Сибири в конце XIX–XX вв. // Сибирь на перекрестье мировых религий: Мат-лы IV межрег. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2009. С. 349–354 (0,62 п. л.).

35. Баранцева Н.А. Всесоюзная перепись населения 1926 г. как источник по изучению этнодемографических процессов в городских поселениях Приенисейского края // Документ как социокультурный феномен: Сб. мат-в IV всерос. конф. Томск, 2010. С. 459–462 (0,23 п. л.).

36. Баранцева Н.А. Влияние миграционных процессов на изменение этнического состава населения Красноярского края в 1940–1980-е гг. // Неотрадиционализм в условиях современных социокультурных трансформаций: региональный аспект исследования. Мат-лы рег. науч.-практ. конф. Абакан, 2010. С. 41–47 (0,44 п. л.).

37. Баранцева Н.А. Этносоциальные процессы среди прибалтийских и немецкого народов Енисейской губ. как отражение государственной политики в кон. XIX–перв. тр. XX в. // Мартьяновские краеведческие чтения. Вып. VI. Минусинск, 2010. С. 78–84 (0,66 п. л.).

38. Баранцева Н.А. Особенности модернизации социально-демографической сферы прибалтийских народов на юге Средней Сибири в первой половине XX в. // Глобализация: мифы и реальность: мат-лы межд. науч.-практ. конф. Тюмень, 2010. С. 166–172 (0,6 п. л.).

39. Баранцева Н.А. К вопросу об этнической консолидации национальных меньшинств юга Средней Сибири в 1920–1930-х гг. // Проблемы социальной и административной консолидации Сибири: Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2011. С. 43–48 (0,29 п. л.).

40. Баранцева Н.А. Языковые реалии в полиэтничном сообществе юга Средней Сибири во второй половине XX в. // Историко-культурное наследие Хакасии. Мат-лы межд. науч.-практ. конф. Абакан, 2011. С. 150–159 (0,64 п. л.).

41. Баранцева Н.А. Народонаселение юга Средней Сибири в 1960–1980-е гг. в контексте демографической безопасности региона // Сохранение исторического наследия народов Саяно-Алтая как фактор укрепления национальной безопасности государства: сб. науч. статей. Абакан, 2011. С. 38–51 (1,38 п. л.).

42. Баранцева Н.А. Особенности демографических процессов в Енисейской губернии в контексте развития системы здравоохранения (1920-е гг.) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2012. Иркутск, 2012. С. 452–458 (0,42 п. л.).

43. Баранцева Н.А. О влиянии состояния здравоохранения на протекание демографических процессов в Красноярском крае в 1930-е гг. // Котожековские чтения. Абакан, 2012. С. 66–74 (0,5 п. л.).

44. Баранцева Н.А. Модернизация прокреативного поведения в Хакасии (1960–1980-е гг.) // Наследие Н.Ф. Катанова: языки, история и культура тюркских народов России: Мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Абакан, 2012. С. 213–218 (0,31 п. л.).

45. Баранцева Н.А. Основные этапы демографической модернизации Красноярского края в XX в. // Мартъяновские краеведческие чтения. Вып. VII. Абакан, 2012. С. 87–91 (0,63 п. л.).

46. Баранцева Н.А. К вопросу о демографическом и этнокультурном развитии татар юга Средней Сибири в кон. XIX–XX в. // Мартъяновские краеведческие чтения. Вып. VII. Абакан, 2012. С. 119–123 (0,56 п. л.).

47. Баранцева Н.А. Охрана материнства и младенчества в Красноярском крае (1920–1930-е гг.) // Шестые Байкальские межд. социально-гуманитарные чтения. Т. 1. Иркутск, 2012. С. 109–114 (0,32 п. л.).

48. Баранцева Н.А. Статистические источники в изучении народонаселения юга Средней Сибири // Мат-лы I межрег. науч.-практ. конф. Архивные документы в системе объективного научного знания об истории Сибири. Абакан, 2012. С. 52–58 (0,44 п. л.).

49. Баранцева Н.А. Мордва Енисейской губернии: этнодемографические и этносоциальные аспекты развития (конец XIX–первая треть XX вв.) // В тесном соседстве: мордовский народ в истории и культуре многонационального Российского государства: мат-лы межд. науч. конф. Саранск, 2013. С. 436–443 (0,61 п. л.).

50. Баранцева Н.А. Особенности периода «демографической компенсации» на юге Средней Сибири во второй половине 1920-х гг. // Мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Исторический опыт социокультурной модернизации. Абакан, 2013. С. 69–73 (0,3 п. л.).